

В Д Е Н Ъ

воскресный

М. Н. ЕРМОЛОВА в начале своей театральной деятельности (1870 г.).

Более пятидесяти лет творческой жизни отдала театральному искусству Мария Николаевна Ермолова, создав сотни высокохудожественных образов и тем самым всемирно прославив нашу русскую школу сценического реализма. М. Н. Ермолова никогда не гастролировала за границей, а между тем и там ее имя было широко известно, ее творческий гений считался непревзойденным.

О Ермоловой в настоящее время написано очень много воспоминаний. Упоминают в своих мемуарах о потрясающей силе воздействия на зрителя и слушателя созданных великой артисткой художественных образов ее соратники по сцене Малого театра — А. И. Южин, М. И. Лавров, Е. Д. Турчанинова, А. А. Яблочкина, писатели В. Н. Гиляровский, В. И. Немирович-Данченко, ученые-театроведы проф. Н. И. Стороженко, Н. Е. Эфрос и многие, многие другие люди. В их печатных воспоминаниях и устных рассказах мы неизменно встречаемся с характернейшими особенностями ее воздействия на зрителя и слушателя. Эти особенности, мне кажется, прекрасно выразил А. И. Южин:

«Много было, есть и будет отличных артистов на всех сценах мира, но только те артисты имеют право на общественное значение, которые, кроме таланта, носят в себе глубокую и неразрывную связь со своим народом, и что бы они ни играли, их творчество должно глубоко корнями вращаться в родную почву. Только тогда их художественное значение имеет смысл и цель.

Ермолова поняла это и умом и сердцем, и вот почему Ермолова — знамя русского театра нашего времени».

В своих воспоминаниях Т. Л. Щепкина-Куперник говорит: «Ермолова! Это значило проповедь добра, правды и любви, в противовес тем несправедливостям, той лжи и угнетению, которые встречались в действительности.

Ермолова — это значило стремление стать лучше, чище, благороднее, возможность найти в себе силу на подвиг, учась этому у ее героинь.

Трибуном свободы, лозунгом истины была для нас эта прекрасная женщина.

Во время моей молодости два гениальных дарования были в России: Лев Толстой и Ермолова».

На преподнесенной М. Н. Ермоловой в 1926 году своей книге «Моя жизнь в искусстве», К. С. Станиславский написал: «Гордости русского театра, мировому гению, великой, незабываемой, бесконечно любимой Марии Николаевны Ермоловой от ее неизменно влюбленного обожателя, энтузиаста-пок-

лонника, благодарного ученика и сердцем преданного друга К. Алексеева (Станиславского)».

Можно привести очень много высказываний о роли М. Н. Ермоловой в развитии русского театра, о ее личном обаянии, о ее необыкновенной скромности и доброте, о чуткости и внимательности к людям вообще и к своим товарищам по сцене в частности.

Метод создания Ермоловой жизненно-правдивых художественных сценических образов — от высокой трагедии (Джюльетта, Офелия, Дездемона — Шекспира, Орлеанская дева, Амалия, Мария Стюарт — Шиллера, Юдифь — Гудкова), от Ларисы и Кручининной в пьесах А. А. Островского до королевы Анны в искрометной комедии Скриба — привлекал и привлекает многих любителей искусства.

Будучи драматическим артистом и преподавателем Государственной академической капеллы (там вел класс дикции и художественной речи), я общался с выдающимися артистами, писателями, режиссерами, но мне все казалось мало. Так мне и пришла мысль обратиться к М. Н. Ермоловой, с которой я имел счастье познакомиться.

А произошло это вот как. Бу-

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

ВСТРЕЧА С М. Н. ЕРМОЛОВОЙ

дучи в Москве проездом в конце декабря 1916 года, мне удалось присутствовать в Малом театре на спектакле «Стакан воды» Скриба.

В своих воспоминаниях «Шестьдесят лет в искусстве» В. А. Мичурин-Самойлова называет эту постановку не «Стакан воды», а «Стакан шампанского». И с этим нельзя не согласиться: Ермолова, Лешковская, Южин создавали настолько вдохновенный музыкальный ансамбль, настолько захватывали вас, что, право, кружилась голова от восхищения и счастья.

После спектакля я прошел за кулисы, чтобы поблагодарить А. И. Южина за предоставленную мне возможность присутствовать на этом замечательном спектакле. Там я, совершенно неожиданно для себя, был представлен великой артистке. Мария Николаевна как-то необыкновенно просто поздоровалась со мною; в ее взгля-

д, в ее голосе было столько доброты и заинтересованности, что я не успел даже оробеть и, кажется, почтительно, но совсем свободно отвечал на ее вопросы. Мария Николаевна интересовалась жизнью театрального Петрограда, какую помощь оказывают театры и артисты раненым.

Как мне было известно, Мария Николаевна очень много времени отдавала так называемым благотворительным выступлениям. Это была ее гражданская, общественная деятельность, к которой она относилась с таким же рвением, как и к выступлениям в театре.

Исполнение М. Н. Ермоловой «Реквиема» — Пальмина, «Брюс-

ельских кружевниц» — Т. Л. Щепкиной-Куперник, «Беглеца» — М. Ю. Лермонтова стали уже легендарными, настолько они потрясли слушателей.

Задав еще несколько вопросов об артистах Петрограда, она неожиданно спросила:

— Какая последняя роль исполнена вами?

— Коновилля, адъютанта Наполеона в пьесе Сарду «Мадам Сан-Жен».

Мария Николаевна с доброй улыбкой протянула мне руку и сказала: «Желаю вам успехов! До свиданья».

Я почтительно поцеловал протянутую руку, попрощался с А. И. Южиным.

На ходу застегивая пальто, я вышел из театра в морозную декабрьскую ночь и зашагал к вокзалу: этой же ночью я должен был выехать в Петроград. В поезде я много думал о неожиданной встрече. Я был удивлен, конечно, обрадован и очень благодарен великой артистке за проявленное ко мне теплое внимание.

В то время М. Н. Ермоловой шел уже седьмой десяток, она достигла всемирного признания, я же был малоопытный молодой актер. Она не подавляла величием своего гения, наоборот — она расковывала вас и сердечностью своего голоса, и добротой, излучающейся из ее внимательных глаз, и одобряющей улыбкой. Я это понял и оценил, раздумывая в вагоне на пути в Петроград, и это сознание так и осталось жить со мною.

Вот почему в 1923 году я обратился к ней с

письмом-просьбой поделиться со мной своим приемом создания предельно правдивых, реально жизненных и в то же время высокохудожественных образов. Я просил также, если возможно, прислать мне хотя бы одну страницу из ее ролей с пометками, замечаниями, условными обозначениями.

Я не мог сомневаться в том, что Мария Николаевна ответит на мое письмо. И ответное письмо пришло. Оно написано на листке из среднего размера блокнота собственноручно уже состарившейся артисткой. Я до слез был растроган его содержанием, оказанным мне вниманием.

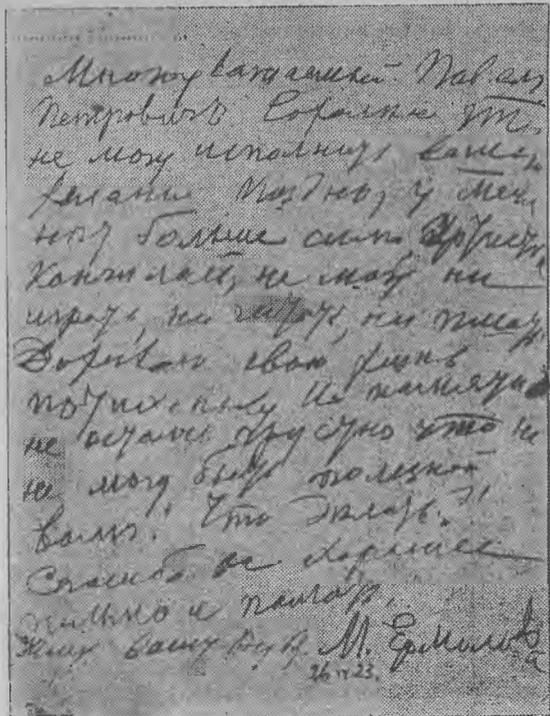
Всего лишь за год до получения мною этого письма в Москве было торжественно отмечено пятидесятилетие творческой деятельности великой артистки.

На юбилейном торжестве присутствовал и Владимир Ильич Ленин, по инициативе которого М. Н. Ермоловой, первой из артистов, было присвоено почетное звание народной артистки. Тогда же был поднят вопрос о сооружении ей в Москве памятника.

На всю жизнь я сохранил в своем сердце память о великой Ермоловой, гордости нашего театра.

П. Михайлов,
ректор университета культуры.

г. Ступино.

Фотокопия письма М. Н. ЕРМОЛОВОЙ.
(Публикуется впервые).